

Русские поэты XX века: материалы и исследования

Редакционная коллегия:

В.Е. Багно, Т.В. Игошева, А.М. Грачева, Н.Ю. Грякалова,
К.Ю. Лаппо-Данилевский, Г.В. Петрова, Ю.В. Шевчук

Рецензенты

Н.А. Богомолов, д. филол. н.
Г.Н. Боева, д. филол. н.

Константин Бальмонт
(1867–1942)

Ответственный редактор
Г.В. Петрова

Москва
Издательский центр «Азбуковник»
2018

УДК 82.94:929
ББК 84(2Рос=Рус)6
Р89

В оформлении обложки использован силуэт К.Д. Бальмонта
работы Е. Кругликовой.

**Русские поэты XX века: материалы и исследования. Константин Бальмонт
Р89 (1867–1942) / Отв. ред. Г.В. Петрова. – М.: Азбуковник, 2018. – 472 с., илл.: 16.**
ISBN 978-5-91172-162-6

В настоящем сборнике научной серии «Русские поэты XX века: материалы и исследования» представлены статьи и публикации, посвященные творческой биографии К.Д. Бальмонта, особенностям его поэтики, специфике критической и переводческой деятельности. Особое внимание уделено вопросам влияния его творчества на развитие русской литературы XX века.

Книга предназначена как для исследователей русской поэзии, так и для широкого круга читателей, интересующихся литературными судьбами XX века.

**УДК 82.94:929
ББК 84(2Рос=Рус)6**

ISBN 978-5-91172-162-6

© Коллектив авторов, 2018
© Издательский центр «Азбуковник»,
оформление, 2018

А.М. Любомудров
Санкт-Петербург

«Жар-птица литературы русской».
Неизвестные тексты Б. Зайцева о К. Бальмонте

«Душа моя печальница о всех в кругу моем...» – строки Б. Пастернака вполне можно отнести к Борису Зайцеву. Переживший всех своих современников, на протяжении долгого творческого пути он оставался заступником и помощником писателей-изгнанников. Летописец литературной жизни предреволюционной России и русского зарубежья, Зайцев оставил портреты множества современников. Его воспоминания отличаются глубиной постижения личности, точностью оценок, они лишены пристрастного субъективизма. Кем бы ни был объект авторского внимания, взгляд на него неизменно сочувственный, со-чувствующий. Исток этого восприятия, как и основа всего зрелого зайцевского творчества, – христианская любовь к человеку.

Со многими современниками писателя связывало не только знакомство, но и личная дружба. Среди ближайшего круга Бориса и Веры Зайцевых – семьи Буниных, Ремизовых, Цетлиных, Кульманов. В этот ряд, который далеко не исчерпан, входит и Константин Бальмонт.

Биографические и творческие параллели двух классиков Серебряного века в общих чертах освещены П.В. Куприяновским.¹ В настоящей работе публикуются тексты, позволяющие уточнить их личные и творческие отношения. Они относятся к периоду 1925–1936 годов. Это два очерка Зайцева о Бальмонте, рецензия на перевод поэмы Руставели и публичная переписка по поводу благотворительных пожертвований.

С Бальмонтом Зайцев познакомился в Москве в начале 1900-х. Прозаик и поэт находились в центре литературной жизни, оба входили в Литературно-художественный кружок и общество «Среда», печатались в одних и тех же журналах, посещали творческие собрания и вечера. Оба были детьми тогдашнего Арбата, их дружбе способствовала и близость жилищ: из окон квартиры Зайцевых в Спасо-Песковском переулке был виден бальмонтковский дом в Толстовском. Литераторы гостили друг у друга, а когда Бальмонт вынужден был

на несколько лет уехать в Париж, Зайцевы (в 1907 году) навестили его и там.

В облике «поэта золотовласого» Зайцев изобразил Бальмонта в эссе «Улица святого Николая» (1922), наравне с «поэтом бирюзоглазым» (Андреем Белым). Первый выведен с добрым юмором и вызывает у автора, пожалуй, больше сочувствия: «И теперь узнал поэт золотовласый, что есть печка дымная, что есть работа в одной комнате с женой и дочкой, что есть пуд картошки мерзлой, на себе тащимой с Курского вокзала. Но все так же, не теряя жизненности, силы и веселья, пробегает он по правой стороне Арбата, ловя взоры девушек». ²

С разницей в два года они уехали в эмиграцию (Бальмонт – в 1920, Зайцевы – в 1922). Первым жилищем Зайцевых в Париже стала освободившаяся квартира Бальмонтов на рю Беллони, здесь Борис Константинович с семьей прожил осень 1924-го и первые месяцы 1925-го года (6, 411).

При всем различии творческих индивидуальностей литераторов сближали и приверженность светлым началам жизни, и изощренная, цветистая словесная живопись – вполне привычная для поэтов, но редкая для прозаиков. Своему другу Бальмонт посвятил заметку «Легкозвонный стебель (Борис Зайцев)», написанную к 25-летию творческой деятельности, где так определил характер его дарования: «проза Зайцева отличается наибольшей легкозвонностью, тонким трепетом отрешенья от вещественности. <...> Зайцев легко отталкивается от вещества, берет наиболее воздушные, невесомые его части» («Последние новости». 1926. 9 декабря).

Зайцев оказывал Бальмонту всяческую поддержку, ставшую особенно необходимой, когда поэт оказался в некоторой изоляции: «В середине 20-х годов у Бальмонта не сложились отношения <...> с эмигрантской средой, с издательскими и литературно-художественными кругами Парижа», – свидетельствуют биографы. ³ В частности, будучи членом редакции «Перезвонов» (1925–1929), Зайцев способствовал многочисленным публикациям поэта в этом журнале.

Борис Зайцев входил во многие общественные и творческие организации русской эмиграции, прилагал усилия для содействия бедствующим и больным литераторам: организовывал сборы средств, литературно-музыкальные вечера, добивался помощи у благотвори-

телей. В 1927 году он обратился в Парижский комитет помощи русским писателям и ученым в связи с отказом Комитета помочь Бальмонту: «у него долг по квартире, долг угольщику, трудность содержать отдельно (в Париже) живущую дочь. <...> Нельзя же забывать (это относится и к Бальмонту), что такие отказы действуют очень тяжело на психику обойденного. <...> Сорок лет проработать в литературе, иметь имя, записанное крепко в русской культуре и известное всюду на Западе, и не удостоиться никакого внимания и поддержки – это, конечно, невесело. Раз человек пишет, что ему трудно, то право же – можно и поверить» (11, 33).

Утрата читательского интереса, одиночество, ностальгия по родине расшатывали душевное равновесие Бальмонта. В эмиграции поэт ощущал себя лишним, жил замкнуто, старался меньше общаться с людьми. Трогательную и действенную заботу проявил Зайцев о собрате, когда у того появились явные признаки душевной болезни. Имя Бальмонта в сочувственном контексте постоянно звучит в переписке Зайцевых с друзьями. «Бальмонт в Париже, и очень ему туго. Он не пьет совсем уже месяцев 10. Безумно грустный! Совсем не такой, как был» – свидетельствует Вера Зайцева 8 февраля 1932 года (6, 438). «Бальмонт уже совсем гибнет. У него мания преследования, и он ничего не ест. Связаны руки и ноги», – пишет она же 21 марта 1937 года (6, 467).

Очередное обострение началось в 1935 году, Бальмонта устроили в пансион, что требовало немалых средств. «Солнечник висит на волоске в лечебнице, завтра надо платить “монеты”. Он стал тише, почти не ест, страшно исхудал... м<ожет> б<ыть> – разрешение всего? Ибо платить-то за него решительно нечем», – сетует Зайцев в письме к Бунину 30 марта 1936 года (11, 95). Для сбора средств 24 апреля 1936 года был проведен вечер «Писатели – поэту», приуроченный к 50-летию его литературной деятельности, в организации которого приняли участие Б. Зайцев, И. Шмелев, М. Цветаева и др.

Зайцев был среди немногих лиц, провожавших поэта в последний путь.⁴ Памятный крест на могиле Бальмонта в Нуази-ле-Гран был установлен благодаря усилиям Б. Зайцева и Ю. Балтрушайтиса. И по кончине поэта Зайцевы проявляли заботу о его родственниках. В 1967 году Зайцев стал инициатором празднования 100-летия со

дня рождения К.Д. Бальмонта. Осенью этого года в парижском Союзе писателей и журналистов состоялся юбилейный вечер.

Образ Бальмонта не раз появляется на страницах мемуарной прозы Зайцева. В воспоминаниях «Серебряный век» (1959) содержится характеристика мировоззрения поэта: «Бальмонт, хотя тоже был крайний индивидуалист, все же совсем другого склада. Также, конечно, самопреклонение, отсутствие чувства Бога и малости своей пред Ним, однако солнечность некая в нем жила, свет и природная музыкальность. <...> Бальмонта тех дней можно было считать язычником, но светопоклонником» (2, 471).

Зайцев – автор трех очерков о Бальмонте, написанных в 1925, 1936 и 1963 годах. Последний из них, «Бальмонт» – хорошо известен, он включен в книгу воспоминаний «Далекое» (Мюнхен, 1965), вошел в собрание сочинений (6, 183–188) и сборники произведений Зайцева, выходявшие уже в России. Первоначально этот текст под названием «Ранний Бальмонт» был опубликован в газете «Русская мысль» (1963. № 2082. 5 декабря. С. 4–5).

Однако до сих пор труднодоступны для российского читателя первые два очерка. Это «Бальмонт (К юбилею)»⁵ и «О Бальмонте (К пятидесятилетию литературной деятельности)».

Ценность зайцевских мемуаров – неуклонное внимание к деталям и приметам времени. Его воспоминаниям присущи свежий, острый взгляд, точность мысли, поразительная память. В них не только нарисованы портреты, но воссозданы даже высказывания, диалоги, звучавшие много десятилетий назад. В небольшой заметке «Бальмонт (К юбилею)» Зайцев напоминает о громкой славе, небывалой популярности поэта в России. Он определяет мироощущение Бальмонта как «ренессансное» и усматривает в этом позитивное влияние на тогдашнюю литературную жизнь: в уставшую от разного рода «направлений» словесность были привнесены «молодость, любовь, огонь». Поэт, излучающий «счастье и радость», противопоставлен мрачному Брюсову, сочинявшему тогда «тяжкие стихи». И хотя бальмонтизм как литературно-общественное явление исчез под натиском машинного века, но Бальмонт остается, и автор желает юбиляру продолжать свой полет.

В конце 1935 года отмечалось 50-летие литературной деятельности Бальмонта, в эмигрантской печати появилось несколько юбилей-

ных материалов, в их числе – и очерк Зайцева в «Современных записках». Он состоит из двух частей. Первая посвящена Бальмонту московского периода. Здесь, как и в других заметках Зайцева о Бальмонте, «много иронии, направленной преимущественно на символистский тип поведения этого художника, – справедливо замечает А.В. Громова. – Главная мысль заключается в том, что декадентство было не органично для здоровой природы Бальмонта».⁶ Зайцев, погружаясь в минувшее, вновь восхищается фигурой поэта. Чудачества и слабости не затмевают главных его черт: бодрость, смелость, полет, быстрота, исключительное обаяние. Фигура его в движении, он «всегда куда-то летел». И не просто по Арбату – но именно по *солнечной стороне* Арбата.

Однако важен не только облик, воссозданный Зайцевым, как обычно, в импрессионистической, живописной манере («разноцветная блистательность» и т. п.). Важно убеждение, что это был «настоящий, большой поэт», голос его «поэтический, очень яркий, с тембром златистым и музыкальностью исключительной». Он способен растрогать до слез.

Строки Зайцева о Бальмонте складываются в симфонию света, цвета, движения, упоения радостью. «Вечно молод, всегда счастлив...». Но навсегда ли, задается вопросом автор, перекидывая мостик к части второй, где предстает Бальмонт в эмиграции. Драматургия очерка строится на контрасте: изменился облик поэта, его новые стихи исполнены чувств и мыслей, противоположных прежним радужным строкам. С горечью сообщает автор о наступившей темной полосе в жизни Бальмонта, что отразилось и в творчестве. Самоуверенная убежденность поэта: «Я буду петь о Солнце / В предсмертный час!» – потерпела крах. Потрясает Зайцева, встретившего Бальмонта в 1931 году, признание в том, что тот отказался от Солнца, что не хочет жить. «Пил я счастье, вместе с медом выпил яд...» – это строки из стихотворения «Косогор» (которое, кстати, впервые опубликовано именно Б. Зайцевым в своем очерке). В нем звучит и раскаяние в былом опьяняющем забвении, и горестное сознание одиночества, и неизбежность конца земных сроков: «Ты забыл, что для всего везде черед, / Что цветущее наверно отцветет...».

Текст Зайцева не только лишь юбилейный портрет, он имеет целью привлечь внимание общества к судьбе собрата-писателя. Зайцев

пишет о беде, постигшей поэта, призывает вспомнить о знаменитом символисте в его горестный час и публикует свой очерк именно в то время, когда такая помощь была крайне важна.

В печати Зайцев, конечно, не мог сказать о деградации сознания своего болящего друга. В частных письмах он более реалистичен и строг к нему. Так, 6 августа 1932 года признается Бунину: «В Париже теперь Бальмонт – совсем угасший. Вижу его редко. Он как будто на меня дует, не знаю за что. И вообще озлобленность появилась. Впечатление тяжелое» (11, 77). Спустя семь лет, в ноябре 1939 года, делится с Буниным еще более горестным впечатлением: «Видел “напевного брата, пред которым все поэты предтечи” <парафраз строки Бальмонта “Предо мною другие поэты – предтечи”. – А. Л.>. <...> Мертвый человек назывался Бальмонт. “Как Вы живете, Бальмонт?” – “Борис, всякий глоток жидкости вызывает во мне страдание”. (Водобоязнь – последствие сумасшествия.) Он тих, мучителен, глубоко жалок. Вот тебе и “Будем как Солнце!” Все оказалось ложью и чушью...» (11, 110).

Поздний очерк 1963 года «Бальмонт» содержит те же сюжеты; некоторые сцены из московской жизни Бальмонта переданы даже более подробно. Однако словесная палитра более сдержанная, здесь уже нет ощущения восторженности по отношению к знаменитому поэту. В этом очерке подведен итог его творчества, определены этапы: если ранний, дореволюционный назван расцветом, то эмигрантский прошел для него под знаком упадка: «Как поэт он вперед не шел, хотя писал очень много. Скорее слабел – лучшие его вещи написаны в России». ⁷ Но, как часто бывает в мемуарах Зайцева, завершается текст размышлениями не о творчестве, но о судьбе бессмертной души в вечности. «Этот, казалось бы, язычески поклонявшийся жизни, утехам ее и блескам человек, исповедуясь пред кончиной, произвел на священника глубокое впечатление искренностью и силой покаяния». Именно поэтому Зайцев выражает надежду, что Господь будет милостив «к усопшему поэту русскому Константину Бальмонту» (6, 188).

Зайцев написал полтора десятка рецензий на книги, вышедшие в русском зарубежье в 1920–1930-х годах. Среди их авторов – П. Муратов, Ф. Степун, Н. Тэффи, М. Осоргин и др. Он счел необходимым откликнуться и на перевод поэмы Руставели «Носящий барсову

шкуру», выполненный Бальмонтом и вышедший в 1933 году. Этот первый полный перевод знаменитой поэмы на русский язык впоследствии неоднократно переиздавался в советской России, высоко ценится он и сегодня. Отклик Зайцева краток, но содержит несколько интересных мыслей, касающихся и грузинской культуры, и некоторых творческих принципов переводчика. Этот текст также достоин внимания историков русской литературы.

Заключает подборку интересный документ эпохи – переписка Бальмонта и Зайцева по поводу пожертвований на детский пансион, опубликованная в газете «Возрождение» в 1928 году. Письмо Бальмонта наполнено рождественским настроением: он по-детски радуется новогодним подаркам, полученным от друзей из разных стран, находя для каждого добрые слова. Передавая присланные ему из-за океана средства на нужды приюта, он призывает и собратьев-эмигрантов оказать посильную помощь детям. Малый эпизод из жизни русского зарубежья лишний раз напоминает о традициях благотворительности в среде эмиграции, а также говорит о щедрой и отзывчивой душе Константина Дмитриевича Бальмонта.

Тексты приведены в соответствии с современными нормами грамматики и орфографии с сохранением особенностей индивидуальной авторской пунктуации.

Публикатор выражает благодарность Александру Юрьевичу Романову за ряд ценных сведений для комментария.

¹ *Куприяновский П.В.* К. Бальмонт и Б. Зайцев // *Куприяновский П.В., Молчанова Н.А.* К.Д. Бальмонт и его литературное окружение. Воронеж, 2004. С. 121–129.

² Здесь и далее в скобках приводятся ссылки на издание: *Зайцев Б.К.* Собр. соч. В 11 т. М., 1999–2001 с указанием номера тома и страниц.

³ *Куприяновский П.В., Молчанова Н.А.* Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба. Иваново, 2001. С. 383.

⁴ «На похороны приехали Юргис Балтрушайтис с женой, Борис Константинович Зайцев с женой и еще несколько человек близких» (*Андреева-Бальмонт Е.А.* Воспоминания. М., 1997. С. 438).

⁵ Публикацию этого очерка см. также: Публикации К. Бальмонта и о Бальмонте в газете «Дни» по случаю сорокалетнего юбилея литературной деятельности (1925 г.) / Публ. Т.В. Петровой, Т.С. Петровой // *Солнечная пряжа.* 2017. Вып. 11. С. 150–153.

⁶ *Яркова (Громова) А.В.* Жанровое своеобразие творчества Б.К. Зайцева 1922–1972 годов. Литературно-критические и художественно-документальные жанры. СПб., 2002. С. 189.

⁷ Мнение о закате дарования Бальмонта прочно держалось в литературных кругах эмиграции, – сообщает В. Крейд, приводя высказывания эмигрантской критики (*Крейд В.П.* Бальмонт в эмиграции // *Бальмонт К.Д.* Где мой дом: Стихотворения, худож. проза, статьи, очерки, письма / Сост., предисл. и коммент. В. Крейда. М., 1992. С. 10–11). Однако современные исследователи не разделяют такое мнение. «Конец 20-х – начало 30-х годов – исключительно плодотворный период в жизни Бальмонта», в это время он выпустил и подготовил к печати более десяти книг (*Крейд В.П.* Бальмонт в эмиграции. С. 13–14). Богатство творчества «позднего» Бальмонта раскрыто П.В. Куприяновским и Н.А. Молчановой в книге «Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба» (С. 409, 419–429).

Бальмонт (К юбилею)¹

С Бальмонтом больше всего связаны для меня годы далекие: начало нашего века. И связана – Москва. Там он появился, «просиял», и занял первенствующее место. Слава пришла к нему не особенно рано. Если не ошибаюсь, 1902-й год («Будем, как солнце»²) – был для него годом «*mezzo del cammino di nostra vita*».³ Но воспринималась его слава юношески. Бальмонт всегда казался моложе себя (и теперь это так), страстней, кипучей и неудержимей сверстников. Дружил охотно с молодежью. И сейчас чувствует его в Париже «Клуб молодых литераторов»⁴. Так с ним всегда было. Люди «академические» не всегда к нему благоволили. Дамы и юноши – вот бальмонтово окружение.

Так называемый «бальмонтизм»...

Есть два рода писателей. Одни чисто академичны в высоком смысле – Флобер, – проходят в высоту, в тумане – прекрасные художники, на жизнь не действующие. Другие – сами собой *выражают* нечто, суммируют рассеянное. Можно сказать: «роковые» и «обязательные». В России этого столетия – Чехов, Горький («чеховское» и «горьковское» не только литературные разряды, но и жизненные). Из символистов Бальмонт и отчасти Блок.

Слава Бальмонта не была *только* литературной. Самим собою он вносил некое мироощущение – для русских не весьма характерное, «ренессансное». Считают, что один лишь Пушкин был в России «ренессансен», но это не точно. Есть и другие. Среди них – Бальмонт.

Он появился вовремя, – была усталость от «интеллигентщины», «заветов» суховатого направленчества. Бальмонт же славил солнце, молодость, любовь, огонь, стихию и безудержность, счастье и ра-

дость, – все это излучал он очень вольно и полно, и вспоминая само имя *Бальмонт*, – ощущаешь свет – и золотистый. Брюсов написал когда-то Белому «Бальдер и Локи»,⁵ но роль Бальдера Бальмонту шла не менее, чем Белому.

И когда стал он выступать на вторниках Литературного кружка,⁶ дамы с желтыми цветами и юноши «декадентского» (какое древнее слово!)⁷ вида бешено ему рукоплескали. («Окунемся в освежающие волны разврата», – кричал один «страшный» по тому времени юноша.⁸ Теперь он вырос, грустен, одинок, ничего не кричит, никуда не бросается...)

Итак, Бальмонт оказался центром некоего «вероучения», главою секты или группы. Все это гнездилось вокруг Арбата. Веселое, богемское и бестолково-милое всходило на дрожжах легкой жизни, над «фундаментом», тогда еще покорно и беспрекословно несшим всю свою «надстройку». Надстройка непрерывно бегала друг к другу в гости, декламировала самоновейшие стихи Бальмонта, влюблялась, шлялась по кабачкам, и только танцевала меньше, чем теперь танцуют. Мрачный Брюсов все это не одобрял. Но и его не очень одобряли бальмонтисты. Он выпускал яд из своего «Скорпиона» в «Метрополе»,⁹ сочинял тяжкие стихи на Цветном бульваре,¹⁰ а Бальмонт летал по Арбату, всем Толстовским, Спасо- и Николо-Песковским переулкам, всегда живой, веселый, искрящийся, в черной шляпе, с золотистым клинушкой бородки, слегка припадающей своей походкой – *genius loci* милой местности. Он забегал, читал стихи, взволновывал и заносил с собой кусочек солнца, и девицы ему аплодировали, а он переливался весь цветами радуги... Бальмонта вообще ясно видишь в золотистом оперении. Ему нравились тогда испанцы и «кинжальные слова»,¹¹ он переводил Кальдерона, но и легкая воздушность Шелли, даже Эдгар По¹² – многое его пленяло.

С 1905–6 года он стал эмигрантом, жил в Париже. В 1912-м году вернулся, и Москва тот же кружок, принимала, чествовала его. Слава его была велика. Он ездил с лекциями по провинции, – его читали и любили и в Сибири, и в Прибалтике. «Бальмонтизм» проникал в самые далекие углы, стихи читались и с эстрад, и декламировались немудрящими провинциальными девицами.

Что сталося теперь с бальмонтизмом? Изменились времена. Бальмонт, к чести его, остался раз навсегда Бальмонтом, целиком

поэтом и певцом того же, что любил и в молодости. Можно даже сказать, что остался молод, – но бесконечно изменилась декорация. Нет прежнего Арбата, Москвы прежней, нет и беззаботности и легкоккрылости. Кровь и страдание, «меч» прошел через все сердца. Вряд ли кому по душе сейчас бальмонтистская девушка, да ее и нет, пожалуй. Она где-то служит. И ей некогда читать стихи, мечтать над золотыми облаками, плакать «У моря ночью».¹³ Все это ушло. Глядя на окружающее, иногда думаешь, что и вообще поэзия уходит, умирает Пан,¹⁴ машиной и машинностью убитый. Бальмонтизм не столь глубок, не столь упорен, героичен, чтобы выдержать страшную нашу эпоху.

Итак, Бальмонт жив и по-прежнему поэт, а бальмонтизм – уже история. Поэты одиноки все сейчас... И Бальмонт пролетает *над* жизнью, как эти облака предвесенние, розово-позлащенные над печальным домом по улице нашей Фальгьер.¹⁵ И пока я пишу, все ж таки бег облаков мне напомнил Бальмонта. Печально лететь над чужой страной, над Фальгьерами и Монпарнасами, а все-таки надо лететь, вернее – нельзя не лететь, потому что ведь таков Бальмонт. Не спрячешь его в серый дом на улице Фальгьер.

* * *

Поэт, за десятилетия песен и за солнышко, вами оброненное, за волнения и слезы в горле, вами вызванные, я дружески желаю вам, в суровой нашей жизни, неизменного полета, неизменного меча в руке – пера.

Источник: Дни. 1925. 4 апр. № 733. С. 2.

¹ Весной 1925 года в Париже отмечали юбилей Бальмонта – 35-летие выхода его первой книги «Сборник стихотворений» (Ярославль, 1890). Заметка написана под впечатлением вечера Бальмонта в Клубе молодых литераторов, прошедшего 28 марта.

² «Будем как Солнце» – четвертый поэтический сборник Бальмонта (1902), имевший грандиозный успех. Считается лучшей его поэтической книгой.

³ Первая строка «Ада» («Божественная комедия»). У Данте: «Nel mezzo del cammin di nostra vita». В переводе Б. Зайцева: «На половине странствия нашей жизни» (8, 307).

⁴ В 1925 году в Париже был основан Союз молодых писателей и поэтов, объединивший младшее поколение литераторов-эмигрантов. Первым председателем стал Ю.К. Терапиано. При Союзе существовал Клуб молодых литераторов, собрания проходили в доме 79 по ул. Данфер Рошро. В начале 1925 года Бальмонт неоднократно встречался с молодыми поэтами. «В клубе молодых литераторов он выступил с до-

кладами “Слово и поэзия Фета” (27 февраля) и “Высокий викинг” – о Баратынском (1 марта). 28 марта там же молодые поэты устроили чествование Бальмонта по поводу 35-летия выхода первой книги стихов (ярославский сборник, 1890). От имени Союза писателей и журналистов его приветствовали И. Шмелев, Н. Тэффи, М. Гофман и др. Поэт прочел свои ранние стихи» (*Куприяновский П.В., Молчанова Н.А.* Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба. С. 382).

⁵ «Бальдеру Локи» (Зайцев неточно приводит название) – стихотворение Брюсова. Опубликовано с посвящением «Андрею Белому» в 1905 году. «Бальдр и Локи – герои скандинавских мифов, в том числе сказаний “Старшей” и “Младшей” “Эдды”. Бальдр – юный бог, сын верховного бога Одина, прекрасный, светлый и благостный; характерна его роль пассивной жертвы. Локи – стихийный, “демонический” многоликий бог, отличающийся хитростью и коварством; по его наущению погиб Бальдр. Локи в брюсовском тексте – сам автор, Андрею Белому (Бальдеру) он послал стихотворение, свернув лист в виде стрелы. <...> Стихотворением “Бальдеру Локи” Брюсов недвусмысленно заявил, что он намеренно надел на себя личину “демона”, дабы противостоять чуждым ему мировоззренческим устоям Белого» (*Гречишкин С.С., Лавров А.В.* Биографические источники романа Брюсова «Огненный Ангел». Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <http://www.trediakovsky.ru/node/45?nopaging=1>).

⁶ Московский литературно-художественный кружок (1899–1919) – клуб творческой интеллигенции. См. главу «Литературный кружок» в книге Зайцева «Москва» (6, 36–41).

⁷ Зайцев, вероятно, имеет в виду, что термин *décadence* (*фр.* упадок) использовался еще в эпоху Просвещения для обозначения культурных явлений заката Римской империи.

⁸ Фигура юноши, выкрикивающего тот же лозунг, возникает и в воспоминаниях Зайцева «Литературный кружок». Там уточняется, что это был гимназист-восьмиклассник, вечерами появлявшийся «на эстраде, в штатском, с демоническими начесами». «Не так особенно он окунулся, – с юмором продолжает Зайцев, – домашняя, довольно безобидная была тогда Москва, но так уж полагалось “устрашать” и “пре-терпеть за идею”: юноша, пожалуй, только что получил двойку, но, зачитываясь Бальмонтом и Брюсовым, готов был отдаться на растерзание “мещанству”, лишь бы не быть “как все” и чем-то о себе заявить» (6, 37).

⁹ «Скорпион» – издательство символистов, основанное в 1899 году меценатом С.А. Поляковым, поэтами В. Брюсовым и Ю. Балтрушайтисом. «Метрополь» – ресторан при одноименной гостинице, открыт в 1905 году. Зайцев вспоминает, что С.А. Поляков «был богатый человек, мог хорошо угощать в “Метрополе” и других местах» (6, 184). Противопоставление Бальмонта Брюсову находим и в других мемуарах Зайцева: «Бальмонта в Москве сразу приняли и полюбили (молодежь, конечно). Брюсова не любили, но вокруг себя он сумел создать некую “магическую” славу. Его боялись. И прислушивались к его теориям художническим. Он редактировал “Весы”, тоже журнал скорпионовский» (6, 36).

¹⁰ В доме по адресу Цветной бульвар, 22 В.Я. Брюсов жил и работал в 1878–1910 годах.

¹¹ «Кинжальные слова» – стихотворение Бальмонта 1899 года.

¹² В переводе Бальмонта вышли сочинения Педро Кальдерона (в трех выпусках, 1900–1912), Перси Биши Шелли (в семи выпусках, 1893–1899), Эдгара По (в пяти томах, 1901–1912).

¹³ «У моря ночью» – стихотворение Бальмонта 1903 года.

¹⁴ «Умер великий Пан» – крылатое выражение, восходящее к греческому мифу. Означает конец исторического периода, закат эпохи. И.С. Тургенев написал на сюжет этого мифа стихотворение в прозе «Нимфы» (1882).

¹⁵ В 1924–25 годах Зайцевы жили в доме на углу улиц Фальгьер и Беллони (ныне ул. д'Арсонваль). До них в этой квартире жил Бальмонт с семьей. Улица Фальгьер также описана в эссе Зайцева «Странник» (7, 259).

О Бальмонте (К пятидесятилетию литературной деятельности)

...Впервые увидел я Бальмонта еще в студенческие времена, более тридцати лет назад. Он читал в Московском литературном кружке об Уайльде.¹ Молодой, рыжеватый, быстрый в движениях, в том же стоячем воротничке, как любил носить всю жизнь, с галстуком-пластроном, тоже навсегда с ним оставшимся, в черном сюртуке, острый, бодрый, несколько дерзкий, с капризным поворотом головы над высоким крахмалом... Правда, он ни на кого не походил. Говорил о поэте, которого никто не знал, в тоне вызывающем и возбужденном, читал несколько нараспев, звук голоса своеобразен. В спорах о прочитанном, где сразу разделились старые и молодые, проявил быстроту, смелость. Ему аплодировали барышни, молодые дамы, юноши, писавшие стихи. Люди «почтенные» негодовали.

Бальмонт уже выпустил несколько сборников стихов, но это было еще введение, юношеская меланхолия и задумчивость. Лишь теперь, именно в Москве начала века, наступил час, когда Бальмонт расцвел или процвел, распустился, зашумел: «Будем как солнце», «Горящие здания», «Только любовь».² Голос его поэтический, очень яркий, с тембром златистым и музыкальностью исключительной, сразу услышан был. Бальмонта залюбили, заласкали одни (молодые), поносили другие (старшие). Начиналась слава. Он же сам был в упоении силами жизни, стихиями ее. Этим и заражал. В нем, конечно, был дар некоего обольщения.

В Москве сразу он привился, вошел в жизнь ее, нечто от разноцветной его блистательности связалось даже с пейзажем Москвы: вспоминая Арбат, видишь на солнечной его стороне Бальмонта в широкополой шляпе, чуть прихрамывающего, с устремленной вперед рыжеватой бородкою, всегда несущегося навстречу новым впечатлениям и увлечениям, стихам, любви. Как и Андрея Белого, Баль-

монта вспоминаешь в движении и в возбуждении. Вечно молод, всегда счастлив, так ему быть полагалось... – всегда ли было в действительности? И так ли в конце концов оказалось?

...Он жил в Толстовском близ Арбата, мы недалеко, в Спасо-Песковском. Из окон нашего дома были видны окна бальмонтовского. Там в четвертом этаже снимал квартиру Бальмонт, и мы в четвертом – на одном уровне. Там он вел жизнь, о которой не скажешь, что она была вялой, бездеятельной.

Трудился он неустанно. Писал собственные стихи, переводил Кальдерона, Шелли, изучал норвежский и испанский, печатал статьи, очерки, путешествия – все это с педантической тщательностью в распорядке часов работы. Нанизывал море стихов правильным своим почерком или выстукивал их на машинке, и уж тут ничто не могло оторвать: повседневная сторона жизни крепко была налажена. Катерина Алексеевна, первая его жена,³ женщина большой культуры и изящества, вела дом в порядке строгом. Но Бальмонт выходил, и начиналась другая часть жизни, та погоня за «мигами», которой усердно они с Брюсовым занимались, но у Бальмонта это выходило легко и с увлечением, а у Брюсова грубо.

Бальмонт часто к нам забегал. Именно забегал, ибо всегда куда-то летел дальше, всегда был ярок, возбужден, иногда очень мил, шутилив, даже с детскими замашками. Иногда и чудил, но в пределах.

Раз застал меня одного, я кончал завтракать. Он сел за стол, посмотрел на меня вызывающе и сказал:

– Я хочу, чтобы этот юноша в студенческой тужурке прочел мне стихи Верхарна.

Я отбивался как умел. Но пришлось подчиниться. Верхарна тогда Все мы знали, у меня был дома томик его поэм, по-французски. Но читать вслух, на чужом языке... Я читал, разумеется, очень плохо.

Бальмонт слушал задумчиво.

– Я желал бы, чтобы мне лучше читали, много лучше, гораздо лучше...

Этого удовольствия я ему уж не смог доставить.

В другой раз, зайдя с Максом Волошиным, он сел с ним под большой наш обеденный стол, туда же устроились две молодые дамы, и считалось, что они сидят все под пальмами, «в стране нежных Маори»,⁴ – Бальмонт читал стихи, а когда выбрались, он сообщил мне, что напрасно я не отправился на волшебный остров, там

было хорошо, «нас было четверо друзей и стихи звучали узывно». (Уже здесь, в эмиграции он напомнил мне об этом: «Гордый студент не пожелал сесть под стол...» – не весьма был этим Бальмонт доволен).

А однажды, глядя из окна моей комнаты на свой дом и свои окна на том же уровне, сказал не без убежденности:

– Я хотел бы придти к вам прямо по воздуху. То было бы знатное путешествие. Проще и кратче, чем блуждать по каким-то переулкам.

Намерения своего, к счастью, не пытался исполнить, а упорно сидел над Шелли и говорил «ласковости» многим барышням и молодым дамам. Да тогда так и казалось, в жизни привольной и мирной, довоенной России, что собственно главные занятия человека – это поэзия и любовь – взгляд не такой бессмысленный, но от одного воспоминания о нем невесело ощущаешь окружающее. Пусть находят в тогдашнем времени много ребяческого, легкомысленного и греховного, за что расплата пришла, все же и обаяния его не зачеркнешь. Обаяние – дух поэзии, подымавший жизнь.

И опять тот же Бальмонт. Не причудами, разумеется, он нас и многих тогда покорял. А тем, что был настоящий, большой поэт. Вот заходит он в ту же нашу квартиру, на углу Арбата и Спасо-Песковского. Тихий июньский вечер. Напротив, через переулок, церковью Спаса на Песках, с острыми колоколенками своими, окруженная липами, – густой, пахучей волной тянет оттуда: липы цветут.

Еще не темно, но смеркается. Прозрачные, зеленоватые сумерки. У нас сидят соседние барышни-бальмонтистки, их дом у самой церкви. Входит Бальмонт. Он сегодня тих и задумчив. Почему, мы не знаем, да и мало ли почему человек может быть в том, ином настроении? Все тоже притихли. И просят читать стихи. Выставляя вперед бородку, вынув из бокового кармана книжечку, Бальмонт начинает:

У Моря ночью, у Моря ночью
Темно и страшно. Хрустит песок.
О, как мне больно у Моря ночью.
Есть где-то счастье. Но путь далек.

Я вижу звезды. Одна мне светит
Других светлее и всех нежней.
Но если сердце ее отметит,
Она далеко, не быть мне с ней.

Я умираю у Моря ночью.
Песок затянет, зальет волна.
У Моря ночью, у Моря ночью
Меня полюбит лишь Смерть одна.

Стихи, их музыка, его волнение, кристальность сумерек, пронзительное и нежное овладевает – и нами, и читающим. Что-то дрожит в его голосе, глаза блестят – слезой, и это нам передается, и через тридцать лет вот ведь и вспомнишь вечер арбатский, померещившееся море, песок прибрежный, недосыгаемость любви, печаль и одиночество... Ведь вот именно «лирою» своей взволновал нас поэт, именно легковзвнящей лирой преобразил арбатскую квартиру в чистую поэзию.

И вновь читал, вновь волновал. В этот вечер Бальмонт тихий и печальный, но ненадолго. Почитав, посидев, он стремится уж дальше, ибо вялых и серых минут не должно быть в жизни.

А на другой день по солнечному Арбату летит Бальмонт, как некая жар-птица литературы русской, отливая всеми цветами радуги.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И синий кругозор.
Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И выси гор.
Я в этот мир пришел, чтоб видеть море,
И пышный цвет долин.
Я заключил миры в едином взоре,
Я властелин.
Я победил холодное забвенье,
Создав мечту мою.
Я каждый миг исполнен откровенья,
Всегда пою.
Мою мечту страданья пробудили,
Но я любим за то.
Кто равен мне в моей певучей силе?
Никто, никто.
Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце,
А если день погас,
Я буду петь... Я буду петь о Солнце
В предсмертный час!⁵

* * *

Жизнь его протекала и дальше шумно. Годы он жил в Париже, возвращался в Москву – Москва пышно справляла его юбилей, потом начались странствия с чтениями, лекциями, слава уже всероссийская. А затем общая наша судьба: эмиграция.

Бальмонт подолгу жил в Капбретоне, в Ландах. Мы реже теперь видались, лишь когда он бывал в Париже. Одна из встреч этих мне запомнилась.

Против окон моих теперь была не церковь Спаса на Песках и не липы цветущие, а маленький парижский дом, над ним чудесные каштаны, им бы позавидовала и Москва. Чуть не вечность прошла со времен Спасо-Песковского. Но Бальмонт... на улице Клод Лоррен⁶ в 1931 году он сказал, что не хочет жить. Все погибло, не нужно ему даже солнца.

– Я не люблю сейчас солнечного света, мне мила ночь и молчание. Лишь луну я могу признать.

Бальмонт отказался от солнца! Он тем же жестом, как и тридцать лет назад, вынул из бокового кармана книжечку, исписанную тем же правильным, слегка крючкообразным почерком. И стал читать. Да, это были стихи о луне и против солнца, даже против жизни.⁷ У меня нет их сейчас, но я помню все давящее и угнетающее, что в них было – как бы панихида по Бальмонте прежних дней.

Декабрем 1932 года помечено стихотворение «Косогор», явно написанное в той же полосе (но его он тогда не читал):

Как пойду я на далекий косогор,
Как взгляну я на беду свою в упор,
Придорожные ракиты шелестят,
Пил я счастье, вместе с медом выпил яд.

Косогорная дорога вся видна,
Уснежилася двойная косина,
А на небе Месяц ковшиком горит,
Утлый Месяц сердцу лунно говорит:

– «Где все стадо, опрометчивый пастух?
Ты не пил бы жарким летом летний дух,
Ты овец бы, в час как светит цветик ал,
Звездным счетом всех бы зорко сосчитал.

Ты забыл, войдя в минуты и часы,
Что конец придет для всякой полосы,
Ты вдыхал, забывши всякий смысл и срок,
Изумительный, пьянительный цветок.

Ты забыл, что для всего везде черед,
Что цветущее наверно отцветет,
И, когда пожар далекий запылал,
Любовался ты, как светит цветик ал.

Не заметил ты, как стадо все ушло,
Как сгорело многолюдное село,
Как зардели ярким пламенем леса,
Как дордела и осенняя краса.

И остался ты один с собою сам,
Зашумели волчи свадьбы по лесам,
И теперь, всю силу Месяца лия,
Я пою тебе, остря свои края».

Тут завяли снежинки предо мной,
Мир как саваном был полон белизной,
Только в дальности, далеко от меня,
Близко к земли ярко тлела головня.

Это Месяц ли на небе, на краю?
Это сам ли я судьбу свою пою?
Это вьюга ли, прядя себе убор,
Завела меня, крутясь, на косогор?⁸

«Пил я счастье, вместе с медом выпил яд» – видно, чувствовал, куда идет дорога. Яд сейчас в полной силе, Бальмонт в полной беде.⁹ В этом году пятьдесят лет, как он вышел в путь, стал поэтом. «Вышел сеятель сеять...». Что же: много дал, отдал, в сущности, все, что имел, не считая, и когда перелистываешь лучшие его книги, волнение молодости вновь овладевает.

В горестный его час вспомнишь высшее в нем, натуру живую, пламенную, потрясаемую поэзией и восторгом, некими радиоволнами себя изливавшую и пленявшую нас.

Источник: Современные записки. 1936. № 61. С. 185–190.

¹ В ноябре 1903 года на заседании Московского литературно-художественного кружка Бальмонт прочитал доклад «Поэзия Оскара Уайльда» и свой перевод «Баллады Реддингской тюрьмы». Доклад опубликован в журнале «Весь» (1904. № 1. С. 22–40).

² Имеются в виду поэтические сборники Бальмонта «Горящие Здания. Лирика современной души» (М., 1900), «Будем как Солнце. Книга символов» (М., 1903), «Только Любовь. Семицветник» (М., 1903).

³ Бальмонт Екатерина Алексеевна (1867–1950) – литератор, переводчик и мемуаристка, автор книги «Воспоминания» (М., 1997). Вторая жена (с 1896) Бальмонта (Зайцев ошибочно называет ее первой).

⁴ Во время путешествия по Новой Зеландии Бальмонт увлекся искусством и мифологией народа маори, записывал их предания, которые планировал включить в книгу «Океания», написал очерки «Острова счастливых. Тонга», «Острова счастливых. Самоа». Океания стала темой литературных вечеров Бальмонта в 1914–1917 годах.

⁵ Стихотворение «Я в этот мир пришел...» (1902).

⁶ То есть в гостях у Зайцевых, которые жили на улице Клод Лоррен (дом 11) с 1926 по 1932 годы.

⁷ Тема противопоставления Луны и Солнца присутствовала еще в раннем творчестве Бальмонта, ср. стихотворение 1895 года: «Отчего нас всегда опьяняет Луна? / Оттого, что она холодна и бледна. / Слишком много сиянья нам Солнце дает, / И никто ему песни такой не сплет». Неизвестно, какое стихотворение «против солнца» имеет в виду Зайцев. Однако в последней своей поэтической книге с говорящим названием «Светослужение» (1937) поэт вновь подтверждает приверженность «светлым, солнечным началам своего мироощущения» и включает в нее стихотворение «Солнце поющее» (см. об этом: *Куприяновский П.В., Молчанова Н.А.* Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба. С. 429).

⁸ Стихотворение «Косогор», не входившее ни в один прижизненный сборник поэта, впервые появилось в печати именно в данной статье Б.Зайцева.

⁹ Очерк Зайцева написан в период серьезного обострения душевной болезни Бальмонта. Однако состояние мрачной депрессии сменилось периодом просветления и творческой активности. Последние его книги, написанные в 1936–1937 годах, – «просветленная лирическая поэзия, как всегда у Бальмонта, высоко музыкальная, но в последнем его сборнике стихи исполнены пронзительной простоты, полны любви к природному миру и благодарности Творцу» (*Крейд В.П.* Бальмонт в эмиграции. С. 15).

«Носящий барсову шкуру»

Шота Руставели. «Носящий барсову шкуру». Грузинская поэма XII в., перевод К.Д. Бальмонта. Изд. Хеладзе, Париж, 1933.

Произведение Руставели делило судьбу своей страны: явилось в полосу расцвета Грузии, вместе с Грузией было затоплено монгольским вторжением. Только с XVI века медленно стало выплывать. Сохранилось всего пятнадцать списков поэмы. (Данте был в этом отношении счастливее). В 1712 году царь Вахтанг, по тщательному сличению рукописей, дал первый ее канонический текст. Мирового значения поэма не приобрела, но для грузин, видимо, стала тем, чем для итальянцев «Божественная Комедия». Об авторе сведений мало,

и они недостоверны. По преданию, был он придворным царицы Тамары, любил ее безнадежно и поэму о любви написал в честь ее. Дни же свои будто бы окончил в Иерусалиме монахом монастыря св. Креста.

В «Барсовой шкуре» отобразился век и мир – дворы востока, рыцарство, турниры, охоты, и над всем этим – любовь. Она как бы главное содержание жизни, выше войн и завоеваний, К.Д. Бальмонт ставит Руставели рядом с Данте и Петраркой.¹ В некотором отношении отдает даже ему предпочтение. Этот подход отчасти понятен. Все же при чтении поэмы скорее вспоминаешь Ариосто² (сторона приключений, сказочности). Да и конец очень уж далек от духа великих итальянцев: у Руставели все кончается браками – начало некоей мирной и благодушной жизни.

Приятно удивляет появление поэмы по-русски. В наше время *такое* произведение в переводе знаменитого русского поэта... Есть еще люди, поэзию любящие и ценящие! Издание роскошное, со вступительными статьями, иллюстрациями, на прекрасной бумаге со старинными концовками, рамками, заглавными буквами.³ Во всем видна любовь, тщательность, преданность делу. Не зная грузинского языка, не могу судить о степени точности перевода. Словесные же одежды его – типично бальмонттовские.⁴

Источник: Возрождение. 1933. 13 апр. № 2872. С. 4.

Интерес к грузинской культуре и творчеству Руставели у Бальмонта возник еще в 1910-х годах. Поэт перевел поэму Руставели на протяжении многих лет, публиковал статьи о поэте и отрывки своих переводов (в частности, перевод первых десяти песен вышел в 1917 году в издательстве М. и С. Сабашниковых отдельной книгой под названием «Носящий барсову шкуру»). Перевод Бальмонта 1933 года – первый полный перевод поэмы на русский язык. В 1936–1938 годах он неоднократно переиздавался в СССР (под названием «Витязь в тигровой шкуре» с добавлением дополнительных глав в переводе Е.А. Тарловской). Парижское издание было снабжено двумя дополнительными титулами на французском и английском языках, пересказами содержания поэмы на этих языках и статьями Бальмонта, посвященными Шота Руставели.

Издатель, Давид Келадзе (Хеладзе) – наборщик одной из русских типографий, который в течение пяти лет набирал поэму в свободное от основной работы время и собирал средства на ее издание (см.: *Куприяновский П.В., Молчанова Н.А.* Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба. С. 411).

¹ В статье «Великие итальянцы и Руставели», помещенной в издании, Бальмонт, в частности, утверждал: «Разлучность Данте и Петрарки с любимыми их – вымышленная, это красивый обман. <...> А разлучность с красавицей-царицей, которая есть царица сердца, <...> есть лучший из четырех редкостных изысканно-прекрасных саццветов, таящих свет Любви».

² Лудовико Ариосто (1474–1533) – итальянский поэт, автор сказочно-приключенческой поэмы «Неистовый Роланд».

³ Книга вышла в цельнокожаном переплёте с золотым тиснением на корешке и золотым обрезом. Форзацы выполнены из вишнёвого шёлка, дополнительные форзацы из цветной бумаги. Иллюстрации известного художника М. Зичи, бордюры, заглавные буквы и концовки, изображающие образцы орнаментов старинной грузинской архитектуры, были взяты из грузинского издания поэмы 1888 года. Книга сопровождалась портретами Руставели, царицы Тамары и самого Бальмонта.

⁴ Перевод Бальмонта – вольный: выпущены некоторые строфы, изменены смысловые оттенки отдельных стихов, изменен размер стихов оригинала. Принципы своего творческого переложения текста Бальмонт изложил во вступительной статье к переводу: «Нельзя воссоздать живое лицо способами, которые называются, несправедливо называются, точными, – фотографией или наложением гипсовой маски. Но можно воссоздать его творчески, если я художник, и смотрю на изображаемое мною лицо напряженно-зорким магнетическим взглядом художника.

Я перевожу поэму Руставели размером подлинника, лишь с некоторым изменением в порядке рифм. В четырехстрочии Руставели, *восьмистопный трохей*, четыре раза повторяется одна и та же рифма, – я преломляю каждую строку рифмой, повторяемой трижды в каждом двустрочии, причем конец каждой второй и четвертой строчки связан, кроме того, самостоятельной рифмой. Таким образом, в каждом четырехстрочии у меня восемь рифм, и в шести тысячах строк всего текста Руставели, в русском её лице, будет двенадцать тысяч рифм. Эта добровольно наложенная на себя тяжесть выполнения вызвана не произвольною прихотью, а желанием дать в русском стихе достойное отображение пышной красоты, мною увиденной, звуковую равноценность, которой Руставели достигает, опираясь на большую звучность грузинских слов, построенных на мужественной силе согласных».

Капбретон – Шавилу

Письмо К.Д. Бальмонта Б.К. Зайцеву

Дорогой Борис Константинович,

Вы знаете, как и каждый из нас, что время Святков и Нового года несколько волшебное. Бывают в эти дни маленькие, а в сущности, очень большие, чудеса. В комнатах и в лесах засвечаются ёлки. Сердца у многих людей раскрываются, а из таких растворенных дверей вылетают не хищные птицы, и не звери выбегают разъяренные, а исходят слова благовестия, приветы, доброта и даже дары. Не знаю, что Вам подарила Судьба к Святкам, я уже несколько получил подарков. Чешский поэт Антонин Сова¹ прислал мне в подарок десять поэтических своих книг. Живущий в Ченстохове, польский мой друг – историк литературы Станислав Пазуркевич² напечатал и прислал в подарок книжечку «Константин Бальмонт». Живущая в Нерви,

Лидия Лебедева напечатала в итальянском журнале перевод моего рассказа «Дружба с удавом»³. Живущая в Финляндии, юная поэтесса Татьяна Осипова⁴ – прислала мне в маленькой коробке – две изумрудно-цветные куколки махаонов: к весне, быть может, две великолепные бабочки будут лакомиться в моем саду на кустиках не финского, а ландского укропа. Живущая в Мольдене, недалеко от Бостона, молодая американская поэтесса Лидия Нобль,⁵ в прошлом году подарившая мне за год «Географический журнал Америки», в этом году прислала в подарок пять долларов,⁶ чтобы я мог купить себе книг по собственному выбору. Не детство ли ко мне вернулось? Когда мне было десять, мой крестный отец⁷ подарил мне на Новый год «Задушевное слово».⁸ Ну, вот, естественно, что эти пять долларов поступают в пользу детей того Приюта русских детей, к которому Вы имеете отношение.⁹ Прилагаю эти американские пять долларов. И напечатайте в той газете, где Вы сотрудничаете, эти мои к Вам строки. Быть может, кто-нибудь, прочтя их, пожелает во имя этих малых чудес, дать что-нибудь малым сим от своего достатка.

Капбретон, 20.XII.27.

К. Бальмонт

Ответ Б.К. Зайцева

Дорогой Бальмонт, я очень рад был получить Ваше письмо, хотя и мог бы позавидовать Вашим подаркам. Но что же завидовать: Вы сами тотчас же раздариваете их.

Бальмонт, радостно видеть, что Вы все такой же, как были двадцать пять лет назад, и так же обращаетесь с долларами, как некогда с русскими империалами (Вы называли их «позлащенные возможности»). Был Бальмонт Бальмонтом, им и остался. Вашу длинную американскую бумажку я передал, куда следует. Какие-то свечки на детской ёлке от нее зажгутся. Комитет Общежития Вам ответит за подписями и печатями. А мне позвольте вот сейчас, дружественно обнять Вас, в Вашем Капбретоне, и поблагодарить. Знайте – и хотелось бы, чтобы другие знали, что вообще-то мы (т. е. Общежитие) живем «чудом», но живем, и надеемся выжить, ибо в чудеса верим. Надеемся также, что Ваш милый пример найдет последователей – с Вашей бы легкой руки нам поток «позлащенных возможностей»! Знаете ли Вы, что летом (по недостатку средств) мы вынуждены мальчиков в 15–16 л<ет> отпускать вместо отдыха на работу? На за-

воды, в поле. Да, вместо отдыха – зимой они учатся. Так неужели нам не нужны длинные бумажки? Спасибо, спасибо.

Привет.

Бор<ис> Зайцев. Париж, янв<арь> 1928.

Источник: Возрождение. 1928. 14 янв<аря>. № 956. С. 3.

Сохранены общий заголовок («Капбретон – Шавиллю») и подзаголовки, данные редакцией газеты.

История публикации переписки такова: «Выполняя просьбу Бальмонта, Зайцев переслал его письмо С.К. Маковскому (в редакцию газеты “Возрождение”) с припиской: “Дорогой С<ергей> К<онстантинович>! Напечатайте эту штуку с моим ответом (вот это материал “даровой”). Хорошо бы в воскресном №. – Привет. Ваш Бор<ис> Зайцев” <...> 18 января 1928 г. Бальмонт писал Зайцеву: “Дорогой Борис, с твердой надеждой, что наше “выступление” призовет “длинные бумажки”, шлю Вам на этой пошатнувшейся открытке мою нештучную любовь и спасибо, что так хорошо ответили”» (Константин Бальмонт – Ивану Шмелеву. Письма и стихотворения: 1926–1936 / Сост., вступ. ст., коммент. К.М. Азадовского, Г.М. Бонгард-Левина. М., 2005. С. 113. Здесь же цитируется отрывок из ответа Б. Зайцева.

¹ Бальмонт переписывался с чешским поэтом и прозаиком Антонином Сова (1864–1928), посвятил ему очерк «Имени Антонина Сова», в который включил свои переводы нескольких его стихотворений. См.: *Бальмонт К.Д.* Несобранное и забытое: Из творческого наследия. В 2 т. / Сост. А.Ю. Романов. Т. 2. СПб., 2016. С. 536–544.

² Пазуркевич Станислав Валериан Виктор (Stanisław Pazurkiewicz; 1894–1964) – польский литературовед, переводчик. Окончил Ягеллонский университет (Краков) со степенью доктора философии. В 1922–1928 работал в гимназии им. Г. Сенкевича в Ченстохове. Преподавал польский язык, введение в философию, руководил библиотекой. Автор брошюры «Константин Бальмонт» (1927); перевел на польский ряд статей Бальмонта и его книгу «Ян Каспрович: поэт польской души» (1928), где поместил статью о поэте: *Pazurkiewicz S. Konstantyn Balmont // Balmont K. Jan Kasprowicz, poeta duszy Polskiej. Częstochowa, 1928. S. 62–86.*

³ Лебедева Лидия Петровна (1869–1938) – поэтесса, переводчик, троюродная сестра Бальмонта. С 1902 жила преимущественно в Италии, с 1916-го – в Нерви близ Генуи, работала сестрой милосердия. «Дружба с удавом (рассказ путешественника)» Бальмонта напечатал издающийся в Генуе журнал «Passegna II Europa dell’ America Latina».

⁴ Осипова Татьяна Петровна (1905–1928) – поэтесса, жила в Териоки (Финляндия), с 1926 года переписывалась с Бальмонтом. Переписка переросла в заочную дружбу. Безвременную кончину поэтессы Бальмонт тяжело переживал, посвятил ей несколько стихотворений, а также очерк «Весна прошла», в котором опубликовал ее стихи (Перезвоны. 1929. № 42).

⁵ Бальмонт вел переписку с семьей американского журналиста Эдмунда Нобля (1853–1937). Нобль Лидия Эдмундовна (Lydia Noble; 1884–1929) – американская поэтесса, переводчик. Автор статьи о Бальмонте, перевела несколько его стихотворений. Бальмонт посвятил ей несколько заметок, а также очерк-некролог «Звенящая струна. Лидия Нобль» (1931). См.: *Бальмонт К.Д.* Несобранное и забытое: Из творческого

наследия. Т. 2. С. 447–452, 738. Л. Нобль и ее сестра Беатрис присылали Бальмонту денежную помощь.

⁶ Пять американских долларов 1928 года эквивалентны 70-ти современным.

⁷ Крестным Бальмонта, согласно метрическому свидетельству о рождении, был коллежский асессор Аркадий Михайлович Ранг (Литературное наследство. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1. М., 1991. С. 82). А.М. Ранг (?–1912) происходил из дворян Владимирской губернии, юрист, председатель 3-го уголовного департамента Московской судебной палаты.

⁸ «Задушевное слово» (1876–1918) – популярный журнал для детей, выходивший в Петербурге. В 1877 году, когда Бальмонту было десять лет, выходил еженедельно, под редакцией детского писателя В.И. Лапина.

⁹ В 1926 году при Попечительстве о русских детях во Франции образован Комитет по устройству общежития в Шавиле. Председателем стал Н.К. Кульман, генеральным секретарем – Н.П. Булюбаш. Б. Зайцев также содействовал обустройству пансиона.

В статье «Общежитие в Шавиле» (Последние новости. 1927. 4 янв<аря>) Б.Зайцев рассказал об открытии приюта: «Суммы, которые удалось собрать, составились преимущественно из выручки от продажи однодневной газеты “Русскому мальчику” (с произведениями Бунина, Бальмонта, Тэффи, Ремизова, Черного и др.), из пожертвований отдельных лиц и из церковных сборов. Надо сказать, суммы эти невелики. Общежитие существует, но начинает и будничную каждодневную борьбу за кусок хлеба и теплый угол для своих обитателей. Устроители верят, что дело это хорошее, нужное. Верят в силу Добра, в отзывчивость человеческих сердец и надеются, что им удастся поддержать свое начинание».

К. Бальмонт и Б. Зайцев, наряду с другими писателями, приняли участие в сборнике «Колос: Русские писатели русскому юношеству. Издание Общежития для русских мальчиков в Шавиле» (Париж, 1928). Бальмонт напечатал в нем стихотворный цикл «Россия» («Безглагольность», «Прощание с деревом», «На краю земли», «Завет бытия», «Для чего?»), Зайцев – очерк «Афон. Монастырская жизнь».